

УДК 342.4

DOI: 10.31857/S2686673024010079

Роль Верховного суда США в толковании конституции и в конституционном правотворчестве

Л.Г. Берлявский

Ростовский государственный экономического университета "РИНХ";

Российская Федерация, 344002, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69.

Донской государственный технический университет

344033, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1.

РИНЦ ID: 2534-0714

ORCID: 0000-0001-7460-5529

e-mail: berlg@yandex.ru

Резюме: Высшая судебная инстанция Соединённых Штатов – Верховный суд – играет существенную роль в толковании конституции и конституционном правотворчестве. Основная причина этого состоит в том, что большая часть текста Конституции сформулирована крайне лапидарно, её текст носит инструментальный характер, что предоставляет Верховному суду достаточно возможностей для толкования её положений до того, как он применит их к конкретным юридическим и фактическим обстоятельствам. Помимо этого, в тексте Конституции не были затронуты многие фундаментальные вопросы конституционного права, которые её составители и органы, ратифицировавшие Основной закон в конце XVIII века, не могли предвидеть.

Ключевые слова: Верховный суд, толкование конституции, конституционное правотворчество, Конституция США, конституционное право, конституционный строй США.

Для цитирования: Берлявский Л.Г. Роль Верховного суда США в толковании конституции и в конституционном правотворчестве. *США&Канада: экономика, политика, культура*, 2024; 54 (1): 97-112. DOI: 10.31857/S2686673024010079

The Role of the U.S. Supreme Court in the Constitutional Interpretation and Law-Making

Leonid G. Berlyavsky

Rostov State University of Economics "RINH"

69 B. Sadovaya str., 344002, Rostov-on-Don, Russian Federation;

Don State Technical University

Gagarin Square, 1, 344033, Rostov-on-Don, Russian Federation.

РИНЦ ID: 2534-0714

ORCID: 0000-0001-7460-5529

e-mail: berlg@yandex.ru

Abstract: The highest judicial authority in the United States, the Supreme Court, plays a crucial role in interpreting the Constitution and in constitutional lawmaking. A primary reason for this is the extremely succinct formulation of most of the U.S. Constitution's text. Its instrumental nature provides the Supreme Court with ample opportunities to interpret its provisions before applying them to specific legal and factual circumstances. Additionally, the Constitution's

text did not address many fundamental issues of constitutional law, which its drafters and the ratifying bodies at the end of the 18th century could not have foreseen.

Keywords: Supreme Court, interpretation of the Constitution, constitutional law-making, the U.S. Constitution, constitutional law, the U.S. constitutional system

For citation: Berlyavsky, L.G. The Role of the U.S. Supreme Court in the Constitutional Interpretation and Law-Making. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54 (1): 97-112. DOI: 10.31857/S2686673024010079

ВВЕДЕНИЕ

В российской науке тема роли Верховного суда США в толковании конституции и конституционном правотворчестве затрагивалась в трудах юристов, историков, политологов. Учёные – государствоведы И.А. Алебастрова, С.В. Боботов, Г.Г. Бойченко, И.Ю. Жигачев, З.И. Голдобина, О.А. Жидков, В.А. Туманов, В.Г. Каленский, А.А. Мишин, В.А. Власихин, В.Н. Сафонов, З.М. Черниловский и др. исследовали основы американского конституционализма, правовую и политическую систему США, политико-правовые воззрения американских конституционалистов, активизм и оригинальность в деятельности высшей судебной инстанции.

В частности, В.И. Лафитский предостерегал от искушения изучать конституционный строй США на основе текстуального анализа основных законов федерации и штатов, поскольку реальное содержание конституций определяется преимущественно судебным толкованием, законодательными актами, действиями исполнительной власти и политической практикой, которые постоянно дополняют и обновляют те или иные стороны конституционного строя, не изменяя текста основных законов по существу. Степень расхождения фактической и юридической конституций велика. Судебное толкование и текущее законодательство конкретизируют содержание конституционных норм, нередко искажая их первоначальное значение [Лафитский В.И. 2011:94, 118, 349].

Обсуждение будущей Конституции США в 1787 г. продемонстрировало настороженное, а иногда неприкрыто враждебное отношение политических деятелей того времени к идее наделить суды надзорными полномочиями. Пожалуй, единственным политическим деятелем того времени, кто прямо высказался в пользу судебного надзора, был А. Гамильтон. В серии очерков, написанных совместно с Дж. Мэдисоном и Дж. Джеем и объединённых под названием «Федералист», Гамильтон указывал: «Толкование законов есть надлежащая и характерная функция судов. Конституцию судьи рассматривают и обязаны рассматривать как основной закон. А посему в их обязанность должно входить определение её значения, равно как и значения любого конкретного акта, исходящего от законодательного органа» [Мишин А.А., Власихин В.А. 1985: 134]. Иного мнения придерживался третий президент США Томас Джефферсон.

Содержавшиеся в Конституции США пробелы с годами восполняются очень незначительно. Одна из причин – повышенная жёсткость Основного закона, сложная процедура его изменения. Как утверждал А.А. Мишин в работе «Государственное право США», в этой стране наравне с писаным законом действует так называемая «живая» конституция, регулирующая отношения конституционного уровня и формируемая Конгрессом, президентом страны, Верховным судом и включающая, в частности, и конвенционные нормы [Мишин А.А. 1976: 29-35]. Сами толкования законов и Конституции в решениях Верховного суда являются частью федерального права и имеют обязательную силу для всех судов и иных государственных учреждений страны [Современные Соединённые Штаты Америки. 1989: 87-88].

Содержание Конституции во многом дополняется и даже модифицируется законами Конгресса, указами президента, судебными прецедентами, конституционными обычаями, что даёт основание говорить о «живой» конституции, отличающейся от юридической и в большей степени соответствующей современным общественным отношениям [Автономов А.С. 2005:359].

Описанная выше теория множественности органов, имеющих право давать обязательное толкование Конституции США, подвергалась критике. В частности, Г.Г. Бойченко считала её порочной, ибо она принижает значение Конституции как Основного закона и фактически ведёт к её низведению до уровня обычных законов. Утверждать, что Конституцию имеют право толковать самые различные органы («и Конгресс, и Президент, и губернатор, и комиссия, и бюро и даже местные органы государства»), значит поощрять произвол в области законодательства. «Нарушение государственной законности, в свою очередь, влечёт за собой активизацию реакционных сил страны, которые хотели бы выхолостить из Конституции США все её демократические положения» [Бойченко Г.Г. 1959: 53].

Противоположного, весьма радикального подхода придерживается американский государствовед Эрвин Чемерински, настаивающий на отсутствии уполномоченного органа, способного толковать Конституцию США [1].

Однако толкование принятых в пределах собственной исключительной компетенции актов Конгресса и президента возможно осуществлять данными высшими органами законодательной и исполнительной власти, поскольку их статус установлен соответственно статьями I и II Конституции США. «Конституционные пробелы дополняются законами Конгресса, актами Президента, судебными прецедентами, конституционными обычаями» [Иностранное конституционное право. 1997: 12]. Подобных прав лишены не упомянутые в Конституции федеральные органы власти, органы власти штатов и, тем более, местные органы.

ОРГАН СУДЕБНОГО КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ

Судебный конституционный контроль не был изначально установлен в тексте Конституции, а стал элементом компетенции Верховного суда, начиная с решения по делу «Мэрбэри против Мэдисона» (*Marbury v. Madison*), 1803. Решение было принято в связи с тем, что тогдашний президент США Д. Адамс назначил в последние часы своих полномочий новых судей, патенты которых были отменены сменившим его на посту президента Т. Джефферсоном. Один из таких «полуночных судей», Мэрбери, обратился с иском к новой администрации в Верховный суд, который признал жалобу соответствующей тогдашнему закону «О судеустройстве», при этом впервые признав сам закон не соответствующим Конституции США [2].

По мнению тогдашнего председателя Верховного суда Дж. Маршалла, «совершенно определённо, что в компетенцию и обязанности судебной власти входит разъяснение того, что такое закон. Те, кто применяет нормы к конкретным делам, обязательно должны разъяснять и истолковывать каждую норму». В решении по делу «Мэрбэри против Мэдисона» Дж. Маршалл сформулировал общие правила толкования конституционных норм:

- если два закона противоречат друг другу, то суды должны решить вопрос о применении каждого из них;

- если закон противоречит Конституции, и в конкретном деле применяются и закон, и Конституция, то суд должен решить, следует ли применять закон, игнорируя Конституцию, либо следует применять её, игнорируя закон. Суд должен установить, какая из находящихся в противоречии норм должна быть применена в конкретном деле. Такой подход составляет главную задачу судебной власти;

- если суды принимают во внимание Конституцию, и она обладает верховенством по отношению к какому-либо акту законодательного органа, то Конституция (а не обычный акт) должна применяться в деле, к которому применимы оба акта – и Конституция, и обычный нормативный правовой акт [Гаврилов С.О., Сунцов В.С., Вахрамеев Н.В. 2020: 115].

В соответствии с разделом 2 статьи 3 Конституции, «судебная власть Соединённых Штатов осуществляется Верховным судом и теми низшими судами, которые будут время от времени учреждаться Конгрессом». Судьи Верховного суда и судьи низших судов сохраняют свои должности до тех пор, пока их поведение является безупречным. При этом «судебная власть распространяется на все дела, решаемые по закону и праву справедливости», которые возникают на основе Конституции, законов Соединённых Штатов и заключаемых государством договоров. Статья 6 устанавливает, что судебная власть распространяется на все дела, возникающие на основе Конституции, и что она является верховным правом страны, а федеральные законы принимаются во исполнение основного закона страны,

судьи обязаны поддерживать Конституцию [Соединённые Штаты Америки. 1993: 37-38, 40].

Важно подчеркнуть, что конституционный контроль в США основан на обычае, он не имеет законодательной основы, но, тем не менее, признаётся важнейшим принципом конституционной системы. Верховный суд США вправе проверять конституционность законов только при рассмотрении конкретного дела (так называемый конкретный надзор, отличающийся от абстрактного надзора, осуществляемого в ряде стран вне связи с возникновением в суде конкретного спора). Проверка подчинена целям охраны конституционных прав и свобод того или иного человека (гражданина), если какое-то право затрагивается (ограничивается или умаляется) тем или иным законом. Если Верховный суд США признаёт закон или какую-то его часть неконституционными, то это означает прекращение действия данного закона или соответствующей его части, и ни один суд страны не примет больше иска, основанного на таком законе. Верховный суд США за прошедшие почти два столетия признал неконституционными несколько десятков законов, хотя в целом он далеко не злоупотребляет этим своим правом [Конституционное право зарубежных стран. 2004: 359-360].

Компетенция Верховного Суда США в сфере конституционного права не оспаривалась на протяжении всей истории этой высокой судебной инстанции.

Так, Дж. Брайс утверждал, что в Америке девять судей верховного федерального суда пользуются почти одинаковым почётом наряду с членами Высшего английского суда. «Это почти единственные должностные лица, назначаемые пожизненно, а их функции имеют чрезвычайно важное значение в практическом применении американской конституции. Поэтому всё общество заинтересовано в хорошем выборе этих судей, а их должность служит заманчивой целью для честолюбцев» [Брайс Джемс. 1890: 297].

Классик британского государственоведения А.В. Дайси пришёл к заключению, что «американский юрист должен выяснить значение статей конституции таким же образом, каким он выясняет значение всякого другого закона. Он должен руководствоваться грамматическими правилами, знанием общего права, светом, который иногда бросает история Америки на американское законодательство, и заключениями, которые можно вывести из внимательного изучения судебных решений» [Дайси А.В. 1905: 6].

В.И. Лафитский справедливо заключает, что «функции конституционного надзора принадлежат судебной власти в целом. Не только верховные, но и районные суды федерации и штатов осуществляют право толкования конституционных норм и отказывают в применении тем положениям статутного и делегированного законодательства, которые противоречат толкованию соответственно Конституции США и конституции штата. Последнее слово в осуществлении

конституционного надзора остаётся за верховными судами. Их решения подлежат неукоснительному соблюдению нижестоящими судами» [Лафитский В.И. 2011: 298-299].

Для Верховного суда США характерна письменная процедура рассмотрения дела, не требующая присутствия сторон, свидетелей и других обязательных для судебной процедуры действий. Верховный суд широко использует свою дискреционную функцию – право принимать к производству по собственному усмотрению дела, содержащие «федеральный вопрос». В качестве суда первой инстанции этот суд выступает по всем спорам между двумя и более штатами, между центром и штатом, по делам, возбуждаемым одним штатом против граждан другого или иностранцев. Верховный суд внес крупный вклад в дело защиты гражданских прав, в ликвидацию расовой дискриминации [Конституционное право зарубежных стран: учебник для бакалавров. 2013: 180].

В настоящее время институт судебного конституционного контроля оценивается как антимажоритарный, его осуществление означает возможность лишения юридической силы актов, принятых от имени большинства [Алебастрова И.А. 2016: 232].

Таким образом, особенности судебного конституционного контроля состоят в следующем:

- конституционный контроль осуществляют все суды США, и конституционное правосудие не выделяется из общего правосудия;
- конституционный контроль носит универсальный характер, т.е. распространяется на любой нормативный акт любого органа или должностного лица;
- конституционный контроль носит деконцентрированный и казуальный характер, то есть он осуществляется судом любого уровня при рассмотрении любого дела, в котором затронут законный интерес гражданина. Наконец, конституционный контроль имеет относительный характер, т.е. решения суда о признании неконституционным какого-либо акта не являются общеобязательными, и признанная неконституционной норма не отменяется, а просто не применяется [Арбузкин А.М. 2005: 240].

Российские специалисты - государствоведы констатируют, что конституционный контроль США остаётся эффективным средством защиты конституционных прав и свобод. Правящие круги, включая и судебные, полагают, что в условиях прецедентного права нет необходимости по образу и подобию европейских стран создавать специальный конституционный суд [Конституционное право зарубежных стран. 2004: 360].

ТОЛКОВАНИЕ КОНСТИТУЦИИ

Согласно господствующей в США правовой доктрине, Верховный суд США, как и прочие суды, имеет право толковать Конституцию и объявлять законы неконституционными в определённой процессуальной форме – исключительно при рассмотрении судебных дел, а именно, когда Верховный суд 1) выступает в качестве суда первой инстанции; 2) выступает в качестве апелляционной инстанции на основе права на апелляцию (*right of appeal*); 3) выступает в качестве высшей инстанции в порядке права «сертиорари» (*writ of certiorari*), то есть подачи просьбы об истребовании дела для нового рассмотрения Верховным судом по существу [Бойченко Г.Г. 1959: 57-58].

В.Н. Сафоновым сформулировано понятие конституционной судебной доктрины как совокупности прецедентов, в которых используются устоявшиеся, типизированные (выстраиваемые устоявшимся способом) приёмы толкования положений Конституции, имеющих абстрактный характер («общая польза», «надлежащая правовая процедура», «общее благосостояние» и т.п.). Помимо этого, отмечена решающая роль методов толкования в трактовке конституционных принципов. В результате интерпретационной деятельности Верховного суда США доктрины отражают суть конституционных принципов и являются, при определённых обстоятельствах, одним из источников права [Сафонов В.Н. 2007: 36-37].

Обращается внимание на новые принципы конституционного толкования, основу которых составила доктрина «подразумеваемых полномочий» [Ллафитский В.И. 2011: 66]. Так, в знаковом деле «Маккалок против Мэриленд» (*McCulloch v. Maryland*, 1819) Верховный суд констатировал, что Основной закон предоставляет Конгрессу все необходимые средства для осуществления законных целей Конституции, не запрещённых её буквой и духом. При этом «вопрос заключается в осуществлении тех великих полномочий, на которых держится благосостояние государства <...> Конституция, призванная существовать в веках, должна приспосабливаться к различным кризисам, возникающим в обществе» [3].

В документе Сената № 170, принятом на 2-й сессии 82-го созыва Конгресса приведено несколько доктрин, ограничивающих свободу судей в части толкования Конституции США. Согласно доктрине «крайней необходимости» (*strict necessity*), Верховный суд объявляет законы противоречащими Конституции только в случае «крайней необходимости». В соответствии с доктриной «разумных сомнений» (*reasonable doubts*), закон признаётся неконституционным только при наличии «разумных», «обоснованных», причин, сомнений. На основе доктрины «политических вопросов» (*public question*) споры политического характера могут быть изъяты из ведения Верховного суда [Бойченко Г.Г. 1959: 63].

В судебном правотворчестве Верховного суда США, наряду с доктринами межштатной торговли, инспекционных полномочий и свободы контракта,

осуществлялась стратегия применения иных, выходявших на первый план доктрин, ставших основанием иных направлений конституционно-правового регулирования социально-экономических отношений. Выделяются следующие доктрины: доктрина «общего благосостояния», опирающаяся на положения преамбулы и VIII раздела Конституции об общем благосостоянии с целью конституционной легитимации социального законодательства; доктрины неприкосновенности собственности и договорной свободы; доктрина «права кошелька» (права собирать и расходовать средства) федеральной власти (*taxing and spending powers*); доктрина изъятия собственности (*taking clause*) - толкование вводимых Верховным судом ограничений в сфере экономики для того, чтобы не допустить нарушений конституционно установленных гарантий и пределов государственного вмешательства [Сафонов В.Н. 2018: 187].

Доктрина «подразумеваемых запрещений» была использована судами для признания неконституционности социально-экономического законодательства, которое ограничивало деятельность корпораций, устанавливало минимальные размеры заработной платы и максимальное число рабочих часов, вводило санитарные нормы и т.п. Конституционное толкование, признающее большую часть конституционных норм самоисполнимыми и императивными, иными словами, не требующими конкретизации со стороны текущего законодательства и обязательными к исполнению в той форме, которая определена судебной практикой, ограничивает законодательную компетенцию. Однако подобное ограничение не было бы столь эффективным, если бы оно не дополнялось действием доктрин «подразумеваемых ограничений» и «подразумеваемых запрещений», которые определяют меру законодательного регулирования [Лафитский В.И. 2011: 75, 131].

Изучение концепций конституционной интерпретации в США позволяет глубже проникнуть в сущность конституционного строя этого государства, понять причины и источники его эволюционного развития с учётом того, что Конституция США 1787 г. – это первый в мире действующий Основной закон государства. Толкование высшим судебным органом США конституционных установлений осуществляется в соответствии с доктринами, разработанными в конституционном праве США [Берлявский Л.Г. 2011: 77].

Подобные концептуальные подходы имеют особенное значение, поскольку в системе общего права влияние доктрины на законодателя зачастую недооценивалось в силу меньшей роли закона и большего значения судебного правотворчества. Однако система права США вобрала в себя определённые черты, присущие романо-германскому праву, поэтому роль правовой доктрины и её влияние на законодательство невозможно отрицать [Емелин М. Ю. 2013: 51-54].

В российском государствоведении был сделан вывод о том, что понять и изучить толкование и применение Конституции США – значит изучить и её текст, и те многочисленные интерпретации, которые она претерпела, и те многочисленные

законы, постановления, приказы, обычаи, которые дополняют и развивают её. Без этого нельзя уяснить, как то или иное положение Конституции применяется в жизни, нельзя выяснить той роли, которую Конституция США играет в американской действительности [6: 66-67]. Это та конституция, которая проявляет себя через решения Верховного Суда США о толковании статей Конституции, через конституционные обычаи, а также общее право [Арбузкин А.М. 2005: 174].

Исследование института конституционного контроля позволит понять, как в США удаётся на протяжении долгого времени при динамично изменяющихся общественных отношениях сохранить устойчивость и стабильность конституционных принципов [Сергеева С.Л. 2012: 163].

Каждая из концепций конституционной интерпретации базируется на определённом типе правопонимания. Правопонимание (определённый его тип) есть решение (определённый вариант решения) основного вопроса философии права – о соотношении права и власти, права и закона, права и силы [Четвернин В. 2003: 28].

Как указывается в российской юридической литературе, в странах «общего права», в которых действуют писанные конституции, и в доктрине, и в судебной практике концепция толкования конституций получила развитие в рамках аналитического позитивизма и социологической юриспруденции. В частности:

а) аналитический позитивизм исходит из того, что намерение отцов-основателей конституции полностью выражено в её тексте. Такой подход в правовой литературе стран «общего права» получил название оригинализма;

б) социологическая юриспруденция предложила иной взгляд на конституцию (так называемый радикальный *nonoriginalism*). В результате появились понятия «живая конституция» (США), конституция как «живой организм» (Австралия), конституция как «живое дерево» (Канада);

в) инструментализм на рубеже XIX–XX веков предложил при изучении намерений отцов-основателей не ограничиваться только текстом конституции, а обращаться к социально-политическим условиям, в которых была принята конституция, к анализу событий, предшествующих её принятию, к истории толкования [Пушкарёв С.В. 2010: 135].

Толкование судьями Конституции США позволяет приспособить её положения к изменяющимся историческим условиям, сообщает ей гибкость и эластичность. Истории известны случаи, когда такая интерпретация по прошествии некоторого времени изменялась до противоположности, что, впрочем, отражало изменение и развитие самого общества. При этом вручение права интерпретации конституционных норм профессионалам – юристам высочайшего класса, к тому же пользующимся в обществе большим авторитетом и независимостью, снижает до минимума опасность произвола и злоупотреблений при его осуществлении. Впрочем, огромная роль судов в формировании конституционного права

вызывает у некоторых исследователей возражения [Конституционное (государственное) право зарубежных стран. 2001: 8-9].

В конституционном праве США определены пять основных видов источников, применяемых для толкования американской Конституции: 1) текст и структура Конституции США 1787 г.; 2) намерения субъектов, которые разрабатывали проект Конституции, голосовали за его принятие на Филадельфийском конвенте (25 мая – 17 сентября 1787 г.) либо при ратификации в штатах; 3) судебные прецеденты; 4) социальные, политические и экономические последствия альтернативных интерпретаций Конституции; 5) естественно-правовая доктрина [Берлявский Л.Г. 2012: 69].

По общему мнению, первые три вида источников могут быть использованы как основания для конституционного толкования. Однако в том случае, когда государствоведы стоят на противоположных позициях, между ними наблюдается существенное несогласие относительно «веса» того или иного источника. Многие американские исследователи считают, что последствия альтернативных интерпретаций Конституции вообще не следует принимать во внимание даже при равенстве аргументов каждой из сторон. Естественное право в настоящее время нечасто принимается как основа для толкования, в то время как многие «отцы-основатели» США признавали его допустимость для этой цели.

ВЕРХОВНЫЙ СУД И КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВО

Как указывается в американской литературе по конституционному праву, власть судебных органов, связанная с проверкой законов на их конституционность, в настоящее время является существенным компонентом американской конституционной системы. Правомочия конституционного надзора в США не подвергаются сомнению. Однако как судья должен толковать Конституцию, природа и масштабы конституционного надзора в части признания нормативных актов неконституционными – это вопросы, которые постоянно дебатировются [4].

В связи с этим, не во всём обоснованным выглядит мнение Е.А. Агеевой о том, что в американской политико-правовой системе Верховный суд США традиционно занимал значительное, но не первенствующее место. Выступая в качестве координатора, а иногда и инициатора правовой политики в стране, он, тем не менее, не выдвигался на первые роли в конституционно-политическом процессе, оставляя решающее слово за двумя другими ветвями власти – исполнительной и законодательной. Лишь в кризисные или переломные моменты для государства он мог вступать в конфликт с ними или проявлять большую, чем обычно, самостоятельность. Многие зависело и от субъективного фактора в деятельности Суда, время от времени приобретающего особую актуальность [Агеева Е.А. 2009: 122].

Видным правоведом – американистом О.А. Жидковым был обоснован достаточно парадоксальный вывод о том, что присвоение Верховным судом важной функции конституционного контроля не может рассматриваться, как это часто делается в юридической литературе США, лишь в развитии самой правовой доктрины и трактоваться как результат «юридического гения» Д. Маршалла или других судей, которым присуще якобы особое, чисто американское «преклонение», перед Конституцией. Специфическая «конституционная» власть Верховного суда была вызвана к жизни отнюдь не догмами и логикой самого конституционного права, а чисто конъюнктурными политико-правовыми потребностями правящего класса, проявившимися в конечном счёте в выработке по данному вопросу политического консенсуса среди всех «заинтересованных» органов федеральной власти [Жидков О.А. 2006: 370].

Иной позиции придерживался глава французской юридической компаративистики Рене Давид. Согласно ей, Верховный суд США «приспособил своё толкование Конституции США к идеологическим течениям и экономическим нуждам современности; это содействовало стабильности американских политических институтов, позволив США жить при Конституции, изменить которую весьма трудно. Верховный суд США смог благодаря этому преодолеть враждебное отношение к себе, существовавшее до 1936 г. и порожденное приверженностью судей к отживающим принципам» [Давид Р., Жоффре-Спинози К. 1997: 299-300].

Подтверждением этому служит то, что активность Верховного суда в сфере конституционного контроля стала неуклонно возрастать после отмены рабства. Так, если в первой половине XIX века был признан неконституционным лишь один закон, то во второй – уже 24, а в первой половине XX века – 53 (особенно бурную активность проявили «девять старцев» в период проведения «Нового курса» Ф. Рузвельта: в 1935–1936 гг. неконституционными были признаны 11 актов Конгресса). На начало 1990-х годов Верховный суд в общей сложности объявил неконституционными более 150 положений федеральных законов и более 1 тыс. – конституций и законов штатов [Конституционное (государственное) право зарубежных стран. 2001: 135].

В дополнение к этому за два с лишним столетия Верховный суд рассмотрел и дал толкование практически каждой статьи Конституции. Кроме того, подвергались толкованию и Поправки к Конституции.

Согласно утверждению А.А. Мишина и В.А. Власихина, реальная власть Верховного суда проистекает оттого, что действуя как высшая апелляционная инстанция, Верховный суд осуществляет функцию конституционного надзора, то есть судебного надзора за соответствием законодательных и административных актов Конституции США. Практически это означает, что закон, принятый Конгрессом или легислатурой штата, акция или акт органов исполнительной власти

всех уровней могут быть Верховным судом лишены юридической силы [Мишин А.А., Власихин В.А. 1985: 134].

Стоит также отметить, что в Соединённых Штатах термин «конституционная теория» затрагивает в основном два аспекта конституционного права. Первый рассматривает общие теории конституции, связанные с целостной структурой государства, взаимоотношениями между ветвями власти, а также между федеральными органами и органами власти штатов. Второй имеет отношение к теориям конституционного надзора (*judicial review*), изучающими порядок принятия судами решений по конституционным вопросам, в результате которых подтверждаются либо отменяются постановления избранных органов [5].

В этом плане едва ли не большая часть «фундаментальных перемен» в американской конституции, как и в том, что относится к регулированию экономических и социальных отношений в стране, была сделана не столько Конгрессом и legislatures штатов, сколько решениями Верховного суда США» [Черниловский З.М. 1982: 3].

Право судебного конституционного надзора объявлять законы недействительными в случае противоречия Конституции – важнейшее в системе разделения властей США. Как считает М.С.Шаварин, если взять в расчёт такие фактические предпосылки появления судебного конституционного контроля, как наличие письменной конституции в виде единого документа, особая роль суда в странах общего права, выполняющего наряду с другими правотворческие функции, действие собственно принципа разделения властей, сверхжесткий порядок изменения конституции, то его появление – это закономерное следствие [Шаварин М.С. 2010: 206].

На другую причину указал видный государствовед А.А.Мишин, утверждавший, что практическое воплощение локковских идей о верховенстве законодательной власти привело к непредвиденным последствиям. Созданные в штатах legislatures захватили в свои руки огромные полномочия, во многих случаях полностью подчинили себе не только исполнительную, но и законодательную власть. Современники отмечали, что legislatures штатов конфисковывали собственность, чеканили монету, взимали налоги, выносили приговоры, непрерывно изменяли и пересматривали свои собственные законы. Законодательные власти штатов в ряде случаев вели себя подобно коллективным тиранам, нарушая и попирая все запреты чистой теории разделения властей [Мишин А.А. 1984: 12].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, осуществляя свои полномочия в сфере конституционного надзора, Верховный суд США опирался на определённые теории конституционной интерпретации, представляющие собой концептуальные подходы толкования Конституции, на основе которых применяются методы и способы уяснения и

разъяснения конкретного значения норм Основного закона государства. В начальный период конституционной истории Соединённых Штатов Верховный суд инициативно приступил к осуществлению властных полномочий, связанных с конституционным надзором. В решении 1803 г. по делу «Мэрибэри против Мэдисона», Верховный суд не только установил, но и разъяснил основы своих полномочий по проверке конституционности действий федерального правительства.

Именно Верховный суд США и верховные суды штатов сыграли ведущую роль в толковании Конституции американского государства и конституций штатов. В судебных прецедентах данных высоких судов содержатся правовые позиции, которые базировались на различных теориях конституционной интерпретации.

ИСТОЧНИКИ

1. Chemerinsky E. Constitutional Law. Principles and Policies. N.Y.: Aspen Publishers, 2015. P.53-55.
2. US (1 Cranch) 137 (1803).
3. McCulloch v. Maryland, 17 U.S. 316 (1819).
4. Kenneth R. Thomas. 2011. Selected Theories of Constitutional Interpretation. Congressional Research Service. February 15. P.4-8.
5. Encyclopedia of the American Constitution /ed. by Leonard W. Levy and Kenneth Karst. 2nd ed. /Adam Winkler, associate editor for the second edition. N.Y.: Macmillan Reference USA, 2000. P.654.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Автономов А.С. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М.: Проспект, 2005.

Агеева Е.А. Деятельность Верховного суда США под председательством Э. Уоррена, 1953-1969 гг. (историко-правовое исследование): автореферат диссертации кандидата юридических наук. Белгород, 2009. 24 с.

Алебастрова И.А. Принцип социальной солидарности в конституционном праве: диссертация доктора юридических наук. М., 2016. 42 с.

Арбузкин А.М. Конституционное право зарубежных стран. М.: Юрист, 2005. 666 с.

Берлявский Л.Г. 2011. Теории конституционной интерпретации в США. *Конституционное и муниципальное право*. № 10. С.77-80.

Берлявский Л.Г. 2012. Оригиналистская доктрина в конституционном праве США. *Конституционное и муниципальное право*. № 10. С. 68-71.

Бойченко Г.Г. Конституция США. М.: ИМО, 1959. 240 с.

Брайс Дж. А. Американская республика /пер. с англ. яз. Ч. III. М.: К.Т. Солдатенков, 1890. 503 с.

Гаврилов С.О., Сунцов В.С., Вахрамеев Н.В. 2020. К вопросу о становлении конституционной юстиции в США. У. Мэрибэри против Дж. Мэдисона. *Юридическая наука*. № 11. С.112-116.

Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М.: Международные отношения, 1997. 453 с.

Дайси А.В. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской Конституции. М.: Тип. И. Д. Сытина и К°, 1905. 370 с.

Емелин М. Ю. 2013. Влияние правовой доктрины на законодательство США, ее роль в толковании Конституции США. *Вестник Пензенского государственного университета*. № 4. С.51-54.

Жидков О.А. Избранные труды /отв. ред. Г.И. Муромцев, Е.Н.Трикоз. М.: Норма, 2006. 606с.

Иностранное конституционное право /отв. ред. В.В. Маклаков. М.: Юрист, 1997. 512 с.

Конституционное (государственное) право зарубежных стран. В 4 т. Т.4. Часть Особенная: страны Америки и Азии /отв. ред. Б.А.Страшун. М.: Норма, 2001. 656 с.

Конституционное право зарубежных стран /под общ. ред. М.В.Баглая, Ю.И. Лейбо и Л.М.Энтина. М.: Норма, 2004. 832 с.

Комкова Г.Н., Афанасьева О.В., Колесников Е.В. Конституционное право зарубежных стран: учебник для бакалавров. М.: Юрист, 2013. 415 с.

Лафитский В.И. Конституционный строй США. М.: Статут, 2011. 351 с.

Мишин А.А. Государственное право США. М.: Наука, 1976. 207 с.

Мишин А.А. Принцип разделения властей в конституционном механизме США. М.: Наука, 1984. 190 с.

Мишин А.А., Власихин В.А. Конституция США: политико-правовой комментарий. М.: Международные отношения, 1985.

Пушкарев С.В. 2010. Толкование конституций сравниваемых государств как один из методов компаративного исследования. *Вектор науки ТГУ*. № 2(2). С.134-137.

Сафонов В.Н. Конституционное правотворчество в деятельности Верховного суда США. Историко-правовое исследование: монография. М.: Проспект, 2018. 288 с.

Сафонов В.Н. Становление и развитие социально-экономических прав граждан в США: автореф. дисс... д-ра юрид. наук. М., 2007. 62 с.

Сергеева С.Л. 2012. Конституционный контроль как форма правотворчества Верховного суда США. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота. № 1 (15): в 2-х ч. Ч. II. С.163-165.

Современные Соединённые Штаты Америки. Энциклопедический справочник /Ред. колл.: Арбатов Г.А., Брутенц К.Н., Иванян Э.А., Петровский В.Ф., Примаков Е.М., Червов Н.Ф. М.: Политиздат, 1989. 542 с.

Соединённые Штаты Америки. Конституция и законодательные акты /под ред. О.А. Жидкова. М.: Прогресс, 1993. 768 с.

Черниловский З.М. От Маршалла до Уоррена. Очерки истории Верховного Суда США. М.: Юридическая литература, 1982. 219 с.

Четвернин В. 2003. Российская конституционная концепция правопонимания. *Конституционное право: Восточноевропейское Обозрение*. № 4. С.28-36.

Шаварин М.С. 2010. Конституционно-правовой принцип разделения властей в США. *Труды Института государства и права РАН*. № 6. С.203-214.

REFERENCES

- Avtonomov, A.S. Constitutional (state) law of foreign countries. Moscow: Prospect, 2005.
- Ageeva, E.A. Activity of the Supreme Court of the USA under the chairmanship of E. Warren, 1953-1969. (historical and legal research): abstract of dissertation of candidate of legal sciences. Belgorod, 2009. 24 p.
- Alabastrova, I.A. The principle of social solidarity in constitutional law: dissertation of doctor of legal sciences. M., 2016. 42 p.
- Arbuzkin, A.M. Constitutional law of foreign countries. Moscow: Jurist, 2005. 666 p.
- Berlyavsky, L.G. 2011. Theories of constitutional interpretation in the USA. Constitutional and municipal law. No. 10. pp.77-80.
- Berlyavsky, L.G. 2012. The Originalist doctrine in U.S. Constitutional Law. Constitutional and municipal law. No. 10. pp. 68-71.
- Boychenko, G.G. The Constitution of the USA. Moscow: IMO, 1959. 240 p.
- Bryce, J. The American Republic (In Russ, translated from English). Pt. III. Moscow, K.T. Soldatenkov, 1890. 503 p.
- Gavrilov, S.O., Suntsov, V.S., Vakhrameev, N.V. 2020. On the question of the formation of constitutional justice in the United States. W. Marbury v. J. Madison. Legal science. No. 11. pp.112-116.
- David, R., Joffre-Spinosi, K. The main legal systems of modernity. Moscow: International Relations, 1997. 453 p.
- Dicey, A.V. Fundamentals of the state law of England. Introduction to the study of the English Constitution. Moscow: I. D. Sytina and Co., 1905. 370 p.
- Emelin, M.Y. 2013. The influence of legal doctrine on U.S. law, its role in the interpretation of the U.S. Constitution. Bulletin of the Penza State University. No. 4. pp.51-54.
- Zhidkov, O.A. Selected works. Ed. by G.I. Muromtsev, E.N. Trikoz. Moscow, Norma, 2006. 606s.
- Foreign constitutional law. Ed. by V.V. Maklakov. Moscow, Lawyer, 1997. 512 p.
- Constitutional (state) law of foreign countries. In 4 t. t.4. A special part: the countries of America and Asia. Ed. by B.A. Strashun. Moscow, Norma, 2001. 656 p.
- Constitutional law of foreign countries. Ed. by M.V. Baglaya, Yu.I. Leibo and L.M. Entina. Moscow, Norma, 2004. 832 p.
- Komkova, G.N., Afanasyeva, O.V., Kolesnikov, E.V. Constitutional law of foreign countries: textbook for bachelors. Moscow, Urist, 2013. 415 p.
- Lafitskiy, V.I. The constitutional system of the USA. Moscow: Statute, 2011. 351 p.
- Mishin, A.A. State law of the USA. Moscow, Nauka, 1976. 207 p.
- Mishin, A.A. The principle of separation of powers in the constitutional mechanism of the USA. Moscow, Nauka, 1984. 190 p.
- Mishin, A.A., Vlasikhin, V.A. The US Constitution: a Political and Legal commentary. M.: International Relations, 1985.

Pushkarev, S.V. 2010. Interpretation of the constitutions of the compared states as one of the methods of comparative research. Vector of Science TSU. № 2(2). pp.134-137.

Safonov, V.N. Constitutional law-making in the activity of the Supreme Court of the USA. Historical and legal research: monograph. Moscow: Prospect, 2018. 288 p.

Safonov, V.N. Formation and development of socio-economic rights of citizens in the USA: abstract of dissertation of doctor of legal sciences. Moscow, 2007. 62 p.

Sergeeva, S.L. 2012. Constitutional control as a form of law-making by the US Supreme Court. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. Tambov: Diploma. No. 1 (15): in 2 pts., Pt. II. pp.163-165.

Modern United States of America. Encyclopedic reference book. Ed. By Arbatov, G.A., Brutents, K.N., Ivanyan, E.A., Petrovsky, V.F., Primakov, E.M., Chervov, N.F. Moscow, Politizdat, 1989. 542 p.

United States of America. The Constitution and legislative acts. Ed. by O.A. Zhidkov. M.: Progress, 1993. 768 p.

Chernilovsky, Z.M. From Marshall to Warren. Essays on the history of the Supreme Court of the USA. Moscow: Legal Literature, 1982. 219 p.

Chetvernin, V. 2003. The Russian constitutional concept of legal understanding. Constitutional law: Eastern European Review. No. 4. pp.28-36.

Shavarin, M.S. 2010. The constitutional and legal principle of separation of powers in the United States. Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. No. 6. pp.203-214.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БЕРЛЯВСКИЙ Леонид Гарриевич, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Ростовского государственного экономического университета "РИНХ"

Российская Федерация, 344002, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69. Профессор юридического факультета Донского государственного технического университета.

344033, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1.

Leonid G. BERLYAVSKY, Doctor of Sciences (History), Candidate of Sciences (Law), Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Faculty of Law, Rostov State University of Economics "RINH"

69 B. Sadovaya str., 344002, Rostov-on-Don, Russian Federation.

Professor of the Faculty of Law, Don State Technical University, Gagarin Square, 1.

344033, Rostov-on-Don, Russian Federation

Статья поступила в редакцию 25.08.2023 / Received 25.08.2023

Поступила после рецензирования 12.09.2023 / Revised 12.09.2023

Статья принята к публикации 14.09.2023 / Accepted 14.09.2023.